

щихъ и проживала на положеніи какихъ-то иностранцевъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ кореннымъ населеніемъ. Никакихъ пожертвованій не поступало, ни дамъ-благотворительницъ, ни кавалеровъ-благотворителей не оказывалось, даже любительскихъ спектаклей, или иныхъ увеселеній въ пользу голодающихъ не устраивалось. Сочувствіе мѣстной интеллигенціи выразилось только жаркой полемикой, завязавшейся между крупнымъ землевладельцемъ, санитарнымъ врачомъ и ученымъ агрономомъ, по поводу замѣны ржаного хлѣба картофельнымъ, оказавшимся, на основаніи научныхъ данныхъ, едва ли не лучше и не питательнѣе. Эта горячая полемика, въ значительной степени оживившая мѣстную газету, приплась какъ нельзя болѣе по вкусу новому крайне любознательному писарю Никольской волости, бывшему ученику духовной семинаріи и едва ли не единственному, усердному читателю газеты въ цѣлой волости. Изъ этой горячей полемики, бывший семинаристъ почерпнулъ много весьма полезныхъ свѣдѣній: такъ, напримѣръ, онъ узналъ, что въ ржаной мукѣ столько то % — въ извѣстномъ вѣсовомъ объемѣ — мясообразовательныхъ частей, а въ картофелѣ столько-то; что веществъ дыхательныхъ (тепловыхъ) болѣе въ картофелѣ и менѣе въ ржаной мукѣ; узналъ, что Розенбергъ, Липинскій и многіе другіе категорически доказываютъ, что введеніемъ культуры картофеля въ поляхъ можно въ нѣсколько лѣтъ поднять сельское хозяйство выше, нежели усиленными трудами въ теченіе десятковъ лѣтъ безъ картофеля и т. д., и т. д. Но наперекоръ ученымъ людямъ и агрономамъ, крестьяне Никольской волости продолжали ѣсть кислый ржаной хлѣбъ и не дошли до такого несчастья, чтобы питаться картофелемъ.

Въ началѣ января 1882 г. положеніе было ужасное: крестьяне, кто побѣднѣе, давно уже съѣли послѣдній кусокъ собственнаго хлѣба, казалось, что уже близокъ страшный часъ, когда люди начнутъ помирать съ голоду. Между тѣмъ, медленно протянулся январь, за нимъ кое-какъ миновалъ февраль, дошла очередь и до марта, а всѣ были живы, ѣли хлѣбъ и не только не теряли бодрости духа, но даже исправно попивали водку по праздникамъ. Какъ же объяснить это чудо и кто прокормилъ голодающихъ?... Вотъ вопросы, которые могли бы поставить въ тупикъ не только поверхностнаго наблюдателя, но даже каждаго обитателя Никольской волости, чуждаго обыденной крестьянской жизни.

Въ одно прекрасное, почти весеннее утро марта 1882 г., пишущему эти строки пришлось быть у крестьянина д. Малой-